

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ АКТУАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ МАНИПУЛЯЦИИ СОЗНАНИЕМ КАК МЕТОДА ВЛАСТИ

Статтю присвячено зумовленим глобалізацією пріоритетним використанням суб'єктами влади маніпуляції свідомістю як методу. Влада стає безособистісною та ґрунтується на маніпуляції задля своєї легітимації. Маніпуляція в цих умовах стає основою комунікації та суспільства.

Ключові слова: маніпуляція свідомістю, влада.

Nowadays the usage of the power of consciousness manipulation as a method is caused by globalization. The power becomes impersonal and it is based on manipulation for its legitimating. Manipulation is the basis of communication of the power and the society.

Keywords: consciousness manipulation, power.

Манипуляцией сознанием принято называть ненасильственные методы и способы влияния на сознание людей, которые прямым или косвенным образом определяют их действие [1, с. 142–144]. Поскольку особенность манипуляции как метода воздействия заключается в ненасильственной природе принуждения объекта воле субъекта, субъект получает возможность ограничиться минимальным непосредственным либо опосредованным контактом с объектом. Эта форма принуждения объекта самодостаточна – не требует дополнительного обеспечения позиции субъекта. Манипуляция сознанием представляет собой совокупность методов, способов, приемов и процедур неявного (скрытого) воздействия на объект, которое необходимое субъекту решение объекта относительно собственных целей и средств их реализации. При этом объект субъективно убежден в самостоятельности принятия решения и наличии для него достаточных оснований – объективных (знаний) и субъективных (убеждений). Таким образом, и субъект, и объект, вступая в отношения скрытого взаимовлияния, обезличиваются и деконструируются относительно друг друга.

В современном мире роль насильственных методов принуждения (политического, правового, экономического, социального, религиозного и другого контроля) значительно уменьшилась, уступив место различным формам убеждения, скрытого контроля, неявной зависимости, социального отчуждения и др. Особую актуальность поэтому приобрели технологии внедрения на рынок и в общественное мнение «наилучших» идей, ценностей и товаров [1, с. 142]. Общественные и культурные процессы современного общества все более глобализируются – от миропорядка до порядка идентификации и самоидентификации социальных субъектов.

Дискуссионный сегодня миропорядок проще всего определить как

поствестфальский [2, с. 35]. Специалисты заявляют о распаде вестфальского мирового порядка, который создал в XVII веке «общие фундаментальные принципы мировых политических порядков, которые существовали на протяжении последних столетий» [3, с. 45]. Этот порядок устанавливал нацию-государство как главный субъект власти, основой которого стали принципы государственной территориальности и независимости» [3, с. 45]. Разрушение однополярного мирового порядка обычно влечет «беззаконную», «относительную» или «упорядоченную» анархию [4, с. 90]. Тем самым процессы создания универсального сообщества получают свою движущую силу, создавая культурный разрыв прежней локализации процессов развития обществ нынешней их глобализации. Механизмы же наследования традиций общественного сознания непредсказуемы по форме, но не по содержанию.

Социальный феномен манипуляции сознанием отнюдь не является современным явлением. Его формы исторически обусловлены и зависят от уникальной композиции культурных, цивилизационных и социально-экономических факторов развития социальной системы с производной от них политической вертикалью. Феномен манипуляции может являться и скрытым воздействием на общественное мнение для формирования в нем положительных оценок предлагаемых идей [1, с. 147], и способом духовного террора индустрии культуры и распространяющей ее псевдоинформации [1, с. 146], и методом стимуляционного либо информационного «непрямого действия» на мотивацию [1, с. 152–153], и техникой аргументации при обмене информацией для получения субъективного даже мнимого преимущества [1, с. 144], и подчинением некритичным восприятием массового объекта влияния идеям и воле субъекта [1, с. 147], и т. д. Манипуляция сознанием приобретает черты эпохи «как неотъемлемая составляющая политической борьбы» [1, с. 144]. В этом аспекте спектр ее проявлений необычайно широк, а масштабы применения обусловлены возможностями решения конкретных задач.

Исторические реалии не всегда предоставляют субъекту власти возможность ограничиться методом убеждения при наведении порядка в обществе. Однако ненасильственные методы воздействия элиты на общество были широко распространены в различных культурах и неизменно приветствовались властью как признак своей легитимности и средство легитимации. Более того, «совокупная» позиция элиты и общества в отношении нечестных методов достижения цели и двойных политических стандартов являются порождением стандартов культурных, морали, права, науки, философии, идеологии, которые со своей стороны обуславливают их трансформацию. Вероятно предположение, что принятый культурой онтологический и гносеологический статус правды и истины способен влиять на формирование и преобладание в обществе определенного типа сознания – мифологического, традиционного, религиозного, идеологического, научного, технократического, массового, популистского и др. – посредством придания особого значения принципу «рациональности» либо «нерациональности» поведенческих стандартов.

Сознание обладает онтологическим статусом на основании двух атрибутивных

Раздина Е. В. **ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ АКТУАЛИЗАЦИИ В
СОВРЕМЕННОМ МИРЕ МАНИПУЛЯЦИИ СОЗНАНИЕМ КАК МЕТОДА
ВЛАСТИ**

свойств – способности создавать идеальные эталонные конструкции и функционировать «как проект» [4, с. 12–16]. В первом случае действия человеческого интеллекта предстают как условные идеальные акты на «экране сознания» [4, с. 12]. Во втором сознание не просто ориентировано на цель, а работает в режиме всех трех временных измерений: прошлого (опыт), настоящего (оценка действительного состояния объектов в сравнении с их прошлым и ожидаемым состоянием) и будущего (наиболее вероятного состояния объектов), здесь сознание включает в содержание проекта не только опыт некоторого человека, а и опыт других людей, других времен, культур, цивилизаций [4, с. 16–17].

В Древней Греции существование «двух правд» для государства и для граждан описали Платон и Аристотель – обмен информацией зависит от целей – достижение истины либо субъективного преимущества в споре. Древний Восток обосновал необходимость системы ценностей (китайские стратагемы), устанавливающих законы, контуры и границы мышления и поведения – принципы и формы традиционного сознания. Европейская религиозная традиция на основании христианской морали отвергала всякую возможность лукавства и обмана, формируя тип традиционно-религиозного сознания с четкими моральными представлениями об истинном и ложном.

Переосмысливая морально-религиозные ценности с позиций примата светских и научно-экспериментальных, Новое время положило начало современному технократическому сознанию, считая природу объектом господства человечества, а технику – наиболее доступным и надежным его средством. Объектом же мыслился и другой человек, «что усилило повсеместное распространение манипулятивных технологий... Подчиняя себе природу, человек не становился свободнее, напротив, он все более становился зависимым от идеалов, которые навязывала ему его собственная программа... Эта тенденция нашла свое выражение в рационализации современного мира... в аспекте определения таких понятий, как „рациональность” и „господство”» [1, с. 145]. То, что Т. Адорно называл «овеществленным сознанием», существовало как подчинение человека техническому разуму и за счет подавления субъективности отчуждает от общества личность объединенными в «индустрии культуры» псевдоинформацией о принятых стандартах усилиями идеологии, техники и науки.

«Век идеологий», Просвещение, существенно обогатил ряд принятых в обществе морально-ценностных систем и «нормативно-символических матриц» [5, с. 8] многообразием их субъектов (социальные классы и группы) и спецификой их видения частногрупповых целей. Групповые идеалы будущего для консолидации усилий и ресурсов общества (онтологически неизбежная претензия идеологии на всеобщность) были вынуждены опираться на пропагандистские методы для своего распространения в общественном сознании, не имея в своем распоряжении значимых властных и административных ресурсов. Эта потребность в идейной общности единоверцев по идеологии (по известному выражению М. Вебера «суррогата религии») стала «преобразовывать духовную вертикаль власти, постепенно вводя в нормативно-символические конструкции более «абстрактные» и «систематизированные

представления» о сущности власти и условиях адаптации власти в политическом пространстве» [5, с. 9]. Принимаемые человеком решения становились все более альтернативными в индивидуальном выборе конкурирующих духовных конструкций для воплощения конкретного сценария преобразования действительности, коммуникации элитарных и неэлитарных социальных слоев и сегментации общественного пространства. Идеология выступала средством упрощения мира для принятия членами общества наиболее рационального решения – воплощая либеральные идеалы свободы личности как творца, носителя индивидуального социально-политического статуса и члена группы.

Рациональность как осмысленная (немеханическая, неинстинктивная) возможность выбора относительно некоторой цели и связанная с ней деятельность (как определил ее М. Вебер) была предоставлена человеку распространением секуляризованного сознания. Концепция «открытой рациональности» В. Швырева также полагала основной проблему творчества в рациональной деятельности. Однако сегодня в науке идет поиск нерациональных оснований рациональности – комплекса эмоциональных, спонтанных, дологичных предпосылок и факторов принятия субъектом рационального решения [6, с. 145]. Но «целерациональность по определению касается выбора способов, рациональность нормативная также не обременена проблемой целеполагания» [6, с. 145]. То есть самостоятельный выбор цели деятельности не является обязательным при совершении рационального акта сознания. Эта часть решения может быть предложена (и всякий раз предлагается) субъекту в готовом виде – «общекультурная целесообразность диктует рациональные основания целей любой частичной культурной деятельности. В таком случае философская оценка рациональных культурных практик может быть дана исходя из представлений о глобальных цивилизационных ценностях» [6, с. 146]. И целевая, и нормативная рациональность могут предлагаться другими субъектами, чьи программы и установки находятся в состоянии противоречия. Тогда субъект принимает решение альтернативного характера (который может быть и мнимым), которое апеллирует либо к внешнему авторитету предложенной символической конструкции (статус носителей норм и ценностей и др.), либо к обоснованию их реалистичности, либо к коммуникативным претензиям на их истинность. Опорой ему служат мифические, религиозные или метафизические стандарты и алгоритмы обоснования рациональности.

Так проявляет себя современный эмансипированный разум – фокус технократического сознания – в поисках императивов своей успешной деятельности [6, с. 146–147]. Здесь осталось добавить, что современную рациональность идеальная коммуникация не обосновывает, а фиксирует ее. «Понятие идеальной (трансцендентальной) коммуникации содержит требование собственной неограниченности, но именно характер культурной аксиоматики диктует, что считать внешним ограничением, а что – необходимым набором исходных смыслов» [6, с. 146].

Специфичность сегодняшней ситуации заключается в системном единении, как указано выше, глобальных кризиса управления и кризиса социального порядка.

Раздина Е. В. **ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ АКТУАЛИЗАЦИИ В
СОВРЕМЕННОМ МИРЕ МАНИПУЛЯЦИИ СОЗНАНИЕМ КАК МЕТОДА
ВЛАСТИ**

Глобализация институтов политического управления вызывает деконструкцию и конкуренцию трех его уровней – наднационального, национального и субнационального. Таково проявление современной мировой анархии управления, когда и скрыто, и явно конкурентны даже сценарии глобализации.

Единственным надежным фактором объединения современного транснационального мира стала система экономических институций, которая компенсировала свою слабую регуляцию (для рынка анархия является естественной и даже необходимой) переводом рисков в индивидуальную плоскость – союз покупателя и продавца по-настоящему доброволен и основан на подлинно здравом смысле. Масштабам экономического отчуждения личности далеко от политических. Механизмы же влияния на общество социально-политических ценностей современного общества массового потребления, попадая в идейно-моральную систему принимающего народа, формируют психотипы и модели сознания, которые соответствуют принятым парадигмам управления [7, с. 41–47].

Власть в условиях нечеткого разграничения полномочий стремится быть и становится безличной или анонимной («власть интеллектуальной элиты», «власть банкиров» [2, с. 39]) при сохранении формальной приверженности принципам демократии – «институты демократии вытесняются властью иерархии» [2, с. 40]. Современная элита объективно не ограничивает свои амбиции границами национального государства, но претендует на строгий контроль общества, от волеизъявления которого зависит ее формальный статус и реальные полномочия. Ее влияние на массовое поведение обеспечивается техническими средствами, что привело к развитию легальных политтехнологий, действие которых тяготеет к риторике и демагогии [2, с. 40–41] и основано на субъективной убежденности объекта в справедливости принимаемых истин, в то время как «субъект убеждения не должен приводить доказательство того, что он на самом деле убежден» [8, с. 86]. Так из демократии не просто отчуждена, но изъята суверенная личность, что компенсируется делегированием полномочий [2, с. 41] и расширением полномочий и влияния представительных органов.

В условиях кризиса демократии не складывается универсальная система глобального гражданского общества. Открытое общество тяготеет к форсированному освоению цивилизационного стандарта, но, со своей стороны, компенсирует дефицит суверенитета личности воплощением анархистских идей «локальной самоорганизации» – и развивает схемы сетевой, горизонтальной организации общества [2, с. 40], уповая на некомфортность институциональной среды [9, с. 56]. Развитию сетей способствует и вынужденное доверие граждан эффективности внутригруппового контроля над ресурсами в условиях их дефицита у неэлитарных групп, что предлагает в качестве целей стандарты группы и создает предпосылки для ненасильственного социального принуждения [9, с. 53–57]. Структура общества деконструируется, приводя к появлению «общества масс, которое оказывается в полной зависимости от того, кто может достичь властного статуса» [1, с. 143]. Нехватка у индивида личных возможностей достижения цели требует опоры на

сильного субъекта, проекты которого достижимы лишь с посторонним участием. Личность теряет с самостоятельностью действий субъективную самостоятельность целей, а вместе с ними – защищенность от манипулятивных приемов.

Ограничители личной свободы универсального мирового сообщества сужают простор маневра личности, лишают ее притязаний на значимый индивидуальный статус и личную свободу. Диктуемые постсовременным обществом потребления неуправляемые риски, темперированная хаотизация социального пространства, капитализация культурной среды и мистификация действий власти вызывают манипуляцию информацией и коммуникацией в политической и экономической сферах. Общественное сознание отражает анархию связей, формируя зависимый тип целевой и нормативной рациональности и массовый объект универсальных моделей управления.

Литература:

1. Лозниця С. Маніпуляція свідомістю: історико-культурні засади / С. Лозниця // Філософська думка. – 2008. – № 1. – С. 142–155.
2. Неклесса А. И. A la carte/ А. И. Неклесса // Полис. – 2001. – № 3. – С. 34–46.
3. Ялі М. Занепад «Вестфалії», або еволюція інституту нації-держави під впливом глобалізації / М. Ялі // Політика і час. – 2007. – № 6. – С. 45–48.
4. Петрушенко П. Атрибутивні риси свідомості / П. Петрушенко // Філософська думка. – 2007. – № 2. – С. 3–18.
5. Соловьев А. И. Политическая идеология: логика исторической эволюции / А. И. Соловьев // Полис. – 2001. – № 1. – С. 5–23.
6. Білокобильський О. Рациональність як межа метафізичного дискурсу / О. Білокобильський // Філософська думка. – 2006. – № 5. – С. 143–156.
7. Литвиненко О. Інформаційні впливи на пострадянське суспільство / О. Литвиненко // Політична думка. – 2002. – № 1-2. – С. 39–48.
8. Декомб В. Суб'єктивний привілей / В. Декомб // Філософська думка. – 2008. – № 1. – С. 84–100.
9. Барсукова С. Ю. Вынужденное доверие сетевого мира / С. Ю. Барсукова // Полис. – 2001. – № 2. – С. 52–60.